М. О. ЖУК

Жук Максим Олегович
магистр социологии
докторант, ассистент,
Европейский гуманитарный университет
Литва, 10101, Вильнюс, ул. Валакупю, 5
Тел.: +370-5-274-06-22
E-mail: maksim.zhuk@ehu.lt

Субъект в дигитальной философии: критический анализ на основе «не-философского» подхода Гэллоуэя

Аннотация. Феномен дигитальности рассматривается не в качестве описания техник или практик, сопутствующих вычислительным технологиям последних десятилетий, но как особый способ мышления о мире, принятый в философии и естественных науках, — дигитальное мышление. Мы полагаем, что дигитальное мышление характеризуется двумя отличительными особенностями: 1) стремлением к трансцендированию имманентной реальности и 2) разделением Единого на множественное. Представлены два примера такого способа мышления: космологическая теория астрофизика Макса Тегмарка и онтологическая теория выдающегося французского философа Алена Бадью. Наше ключевое положение состоит в том, что дигитализация создает особую позицию, в которой субъект с необходимостью становится точкой в иерархии власти. В конце мы задаем вопрос, возможен ли иной, недигитальный (т. е. аналоговый) способ мышления о мире.

Ключевые слова: субъект, дигитальная физика, не-философия, дигитальная философия, онтология, дигитальность

Мы попытаемся представить набросок обсуждения определенной формы мышления, порождающей набор специфических представлений и отношений к человеку и его месту в мире, которая сформировалась в XX столетии в связи с развитием вычислительных и информационных технологий. Опираясь в значительной степени на работу [Galloway 2014] американского философа Александра Гэллоуэя (Alexander Galloway), мы продемонстрируем, что дигитализация мира неизбежно влечет за собой дигитализацию субъективного пространства, и обратимся к вопросу, в какой позиции оказывается субъект, подверженный такого рода «оцифровке».

В качестве эмпирического примера этого дискурса кратко опишем два: «дигитальную физику» в одной из наиболее современных ее инкарнаций,

© М. О. ЖУК

предложенной космологом Максом Тегмарком (Max Tegmark), и пример «математической философии» Бытия, разработанной известным французским философом Аленом Бадью (Alain Badiou).

В связи с ростом в последние десятилетия популярности таких направлений как дигитальная философия, информационная философия и т. д. и, следовательно, разнообразных трактовок и интерпретаций этих терминов, проясним, что́ здесь и далее будет нами пониматься под термином *дигитальное*.

Определение *дигитальная философия*, по-видимому, первоначально не имело отношения к классическому пониманию философии, но характеризовало направление «дигитальной» физики — спекулятивного направления мысли в некоторых естественнонаучных дисциплинах (мы приведем пример далее), которое сформировалась в XX веке в среде физиков, специалистов в области компьютерных технологий и космологов, работавших с цифровыми вычислительными инструментами. После того как информационные технологии вышли за пределы сферы исследования в естественных науках, их влияние на социальное измерение стало предметом интереса со стороны философии. При этом традиционная дискуссия о дигитальном часто оказывается зажатой в прокрустовом ложе таких понятий, как *новые медиа*, *информационные сети*, *виртуальная реальность* и т. д. Мы полагаем, что необходимо расширить границы этого дискурса для более глубокого понимания форм мышления, которые связаны с дигитальным.

Действительно, расцвет дигитального мышления связан с цифровыми технологиями и бинарными кодами, но это не является отличительной чертой дигитального мира. Технически можно сконструировать вычислительные устройства, основанные на ином принципе и с иной внутренней логической структурой. Известно, что все вычислительные устройства, как реальные, так и гипотетические, субстанциально представляют собой одно и то же устройство — универсальную машину Тьюринга[1], что было продемонстрировано в 1936 г. Аланом Тьюрингом с помощью знаменитой абстракции вычислительных систем [Хопкрофт и др. 2002: 329–330]. Его модель описывает класс задач, которые могут быть решены принципиально с использованием вычислительных устройств вне зависимости от их внутренней логико-семантической организации и технологической структуры. Всякая задача, разрешимая с помощью такого вычислительного устройства, называется в ы ч и с л и м о й. Это означает, что в теоретическом отношении каждое универсальное вычислительное устройство может симулировать любое другое. Даже гипотетические квантовые, химические, биологические или иные вычислительные устройства не способны превзойти друг друга в отношении того, какие задачи они способны разрешить.

То, что в действительности делает дигитальные устройства специфическими и что также является отличительной особенностью дигитального мышления, — это характер манипуляций, а также род объектов, на которые они способны действовать.

Далее мы указываем на два основных характеризующих признака дигитального. Каждый из них сам по себе не является достаточным, но он является необходимым условием для определения дигитального.

[1] Или эквивалентную модель, например, такую, как машина Поста, см.: [Катленд 1983: 65].

Дигитальное означает трансцендентальное

Дигитализировать означает трансцендировать Реальное, или Единое (Гэллоуэй использует оба термина, которые заимствует у французского философа Ларуэля (François Laruelle)). Таким образом, дигитализировать — значит переместиться от материального имманентного мира к миру идеальному. Иными словами, дигитальное — это символический порядок, который основан не на тексте, но на структуре абстрактных реляций. В лакановском психоанализе, например, в такой форме выступают топология и теория групп; в онтологии Бадью, о которой мы будем говорить ниже, — теория категорий (один из разделов абстрактной математики) и теория множеств; в теории Макса Тегмарка это различные более сложные математические структуры и т. д. Таким образом, конкретное описание дигитального может зависеть от наших задач или теории, в рамках которой мы рассуждаем, но все они трансцендируют имманентное данное. При этом такие трансцендентальные системы, как, например, Логос Гераклита, не относятся к дигитальному, потому что не включают условие, изложенное в следующем разделе.

В противоположность этому аналоговое является имманентным, укорененным, обладает гладкой структурой, подверженной тончайшим плавным вариациям.

Дигитальное обозначает дискретное и дифференцируемое

Дигитальное — то, что состоит из элементов и не является непрерывным. Объекты могут являть себя как Единое или как то, что Единым не является, и тогда они являют себя как Множественное [Galloway 2014: 3]. Если обратиться к теме информационных технологий, то биты информации выступают в качестве атомов, но, соединенные в цепочку по определенным правилам, они образуют некоторое осмысленное единичное сообщение: звук, изображение, текст и т. д., которые воспринимаются в своей целостности. Дифференциация, таким образом, проявляется на двух уровнях: как дифференциация атомарных элементов и как различие между Единым и Множественным.

Гэллоуэй поясняет:

> ...любой процесс, который производит или поддерживает различия между одним и более элементами, может быть обозначен как дигитальное[2] [Ibid.: 52].

Это означает, что дигитализация — базовый процесс различия, когда часть Реального/Единого (One) выделяется и становится именно этим Реальным (the One) в противоположность Другому [Ibid.: 53].

То, что дифференциация превращает Единое в Множественное, составленное из атомарных элементов, которые являются, с одной стороны, гомогенными (как биты информации или атомы в физике), а с другой стороны, различимыми (например, по своему положению в составе более крупной структуры), делает неизбежной ситуацию выбора между разными вариантами. Дифферен-

[2] Здесь и далее перевод с английского языка наш.

циация, таким образом, означает, что дигитальное мышление производит мир, требующий совершения выбора или принятие решения (decision).

Процесс дигитализации (порождения дискретной трансцендентальной структуры символического порядка) начинается, по Гэллоуэю, тогда, когда мы принимаем р е ш е н и е сделать Реальное частью нашего интеллектуального мира, т. е. поставить себя в особое положение по отношению к миру и задать иерархическую структуру мира. С этого момента мы осуществляем рассечения мира на Мир и Я, и далее каждый интеллигибельный акт производит рассечение Единого на всё новые и новые части в стремлении достигнуть абсолютных неделимых, в роли которых, как мы увидим далее, выступает ничто, или пустота.

Радикальный пример чистой дигитальности — это математика, которая занимается дискретными (т. е. состоящими из элементов) структурами и различиями между ними: изучением гомоморфизмов групп и колец, гомеоморфизмов и гомотопий топологических пространств, поиском инвариантов, позволяющих различать структуры, т. е. создавать бесконечную классификацию и сеть взаимоотношений объектов.

Противоположный дигитальному способ мышления — аналоговый — представляет мир гладкий, недифференцированный и непрерывный. Вместо различий, которые составляют особенность мира дигитального, аналоговое — это мир интеграции. Аналоговый режим — это процесс, который порождает «одно из многого», здесь нет необходимости в категорическом радикальном р е ш е н и и, вместо этого существуют многообразие тонких вариаций и непрерывный спектр изменений. В философии аналоговое, по мнению Гэллоуэя, встречается в двух режимах: как признание имманентости Бытия и как принятие имманентности субъекта и / или объекта [Galloway 2014: 56–57]. Субъект скользит вдоль поверхности имманентного Единого, которое является фундаментально непроницаемым для него. Таким образом, дигитализация — это процесс дробления, разделения и дифференциации Реального / Единого с целью сделать его доступным для аналитического постижения. Дигитальность — это способ сделать Реальное / Единое мыслимым для субъекта.

Суммируя, мы можем сказать, что «дигитальное — это онлайн, аналоговое — офлайн. Дигитальное — новое, аналоговое — старое. Дигитальное — единицы и нули, аналоговое — непрерывные вариации» [Galloway 2014: xxviii–xxix].

В физике идея дигитальности в той форме, в которой мы описали ее ранее, т. е. как совмещение трансцендентальной символической структуры и дискретизации, также имеет глубокие корни, которые восходят к пифагорейской и платоновской метафизике. Платонизм был одной из первых школ в (натур)философии, который в некотором отношении предшествовал идеям дигитальности в том смысле, который мы используем здесь, т. е. обращался к идее трансцендентального мира, задающего структуру мира физического.

Однако в том значении, в котором мы понимаем дигитальность сегодня, эти идеи, очевидно, смогли оформиться только с изобретением цифровых вычислительных устройств. Говоря о дигитальности, мы имеем в виду такой подход к объектам и субъекту, который рассекает их на элементы и задает символическую структуру, определяющую порядок и отношение элементов.

Историческое развитие большинства западных естественных наук состоит в подходе, приводящем к рассечению объекта и дроблению его до минимальных атомарных единиц, которые, в свою очередь, становятся ключом к пониманию функционирования объекта на высоком уровне организации, как, например, составление каталогов и расшифровка геномов, коннектомов, протеомов в биологии или классификация частиц в Стандартной модели физики. Но в данном случае мы обращаемся к более радикальному переосмыслению мира, который дигитализирует его буквальным образом, представляя в виде эпифеномена некоторой подлежащей цифровой или числовой реальности.

Уже создатель одного из первых функциональных компьютеров Конрад Цузе (1910–1995) высказывал идеи о цифровом устройстве вселенной [Zuse 1970]. Для Цузе и некоторых его последователей, которые развивали схожие идеи, наш физический мир представлялся как виртуальная производная некоторого вычислительного цифрового устройства. Такое устройство, конечно, не обязательно понимается как злокозненные механизмы из голливудского фильма «Матрица». Его можно представить как некоторую особую форму реализации физических законов, которые являются фундаментально дискретными и фундаментально изоморфными какой-либо вычислительной процедуре или алгоритму. Лауреат Нобелевской премии по физике Стивен Вайнберг (Steven Weinberg) популярность (относительную) данного набора идей среди ученых охарактеризовал следующим образом:

> Это (дигитальное устройство мира. — *М. Ж.*) возможно, но я не вижу оснований для подобных спекуляций, за исключением того, что это тот тип систем, к которому Вольфрам и другие привыкли благодаря своей работе на компьютере. Так плотник, глядя на луну, может предположить, что она сделана из дерева [Weinberg 2002]

Одной из относительно новых попыток восстановления этой идеи можно назвать идею математической Вселенной Макса Тегмарка. Он изложил данную теорию в статье «Математическая Вселенная» [Tegmark 2008], к которой мы будем далее обращаться, а также в одноименной книге, рассчитанной на широкий круг читателей [Тегмарк 2017]. Мы не будем давать оценок онтологическим и метафизическим, а тем более физическим сторонам теории Тегмарка. Для нас она представляет в первую очередь пример доведенной до радикального воплощения идеи дигитального мышления — идеи полного разрушения Единого / Реального.

Спекулятивность его идей с физической точки зрения была отмечена рядом авторов, но в философском отношении его можно причислить к объективным идеалистам, возродившим приписываемые пифагорейцам идеи математического монизма, согласно которым «всё есть число» [Жмудь 1994: 311], — через много веков после того как пифагорейцы сошли с интеллектуальной арены. Сам Тегмарк своим интеллектуальным предшественником считает Платона. В этом смысле идеи Тегмарка представляются имеющими отношение скорее к философской (в духе досократиков, занятых поиском ἀρχή материального мира), чем научной дискуссии.

Хотя современная физика ушла от античной мысли очень далеко, все же остается очевидным, что в определенном отношении она по-прежнему одер-

жима идеей поиска элементарного «корня», способного объяснить всё. Конечно, усложнение науки и продвижение познания природы значительно изменили взгляды на символическую структуру, которая полагается в основание мира. Идеи пифагорейцев, сопоставляющих числа и цифры объектам мира и полагающих их основанием вещей, выглядят достаточно наивно по сравнению с гораздо более сложными конструкциями, к которым прибегают Цузе или Тегмарк.

Одной из проблем в продвижении физики к тому, что называется несколько ироничным термином «Теория всего», это то, что большинство научных теорий не способно обеспечить принцип достаточного основания, который смог бы преодолеть знаменитое nihil fit ex nihilo. Законы физики не выглядят самоутверждающимися, потому что всегда можно представить иные принципы или законы устроения физической реальности. Эта проблема характерна и для мировоззрения таких авторов, как Конрад Цузе и др. Они описывают возможный механизм устройства окружающего мира, но не отвечают на вопрос, который был исключительно важен для античных мыслителей: почему мир существует и почему он такой, какой есть (см.: [Holt 2012: 77–78]).

Для Тегмарка решение этой задачи состоит в том, чтобы перевернуть ее: если нет достаточного основания, то либо ничего не существует, либо существует всё, что может существовать. Но единственное, что может существовать, не будучи укорененным в какой-либо субстанции, — это логические отношения. Заметим, что этот взгляд поддерживала также христианская теология, например, Фома Аквинский писал, что Бог не может нарушить геометрические отношения, создав треугольник, у которого сумма углов не равна 180° [Фома Аквинский 2004: 95], т. е. математические отношения существуют вне зависимости даже от божественного могущества. В этом смысле физика Макса Тегмарка лежит полностью в русле западной философии.

Поскольку математика является наукой, исследующей возможные отношения (например, в форме законов логики, количественных отношений, отношений между произвольными категориями объектов и т. д.), таким образом, все, что может существовать само по себе, — это математика, или во всяком случае может быть описано математикой, что, с точки зрения Тегмарка, делает физическую реальность и математику эквивалентными. Вселенная, таким образом, — просто эпифеномен некоторой математической структуры. Поскольку логически можно представить существование бесконечного числа непротиворечивых математических структур, следовательно, одновременно существует множество параллельных реальностей. Среди различных реальностей наибольший интерес представляют те, которые включают в себя достаточно сложные конструкции, способные к сознанию. С позиции такого субъекта, который для Макса Тегмарка представляет собой просто достаточно сложный набор математических отношений, математическая Вселенная представляет собой знакомый нам материальный мир со всеми теми атрибутами, которые мы способны в нем переживать и воспринимать, хотя с точки зрения внешнего наблюдателя он эквивалентен какому-либо математическому утверждению.

Таким образом, существуют два взгляда на мир, которые выделяет Тегмарк: взгляд птицы и взгляд лягушки. «Лягушка» — это субъект, который занимает позицию внутри математической Вселенной и воспринимает его кажущиеся свойства, такие как материальность, протяженность, течение времени

и т. д., т. е. фактически переживает виртуальную реальность. Как и Парменид, который полагал мир статичным и гомогенным, Тегмарк не приводит ясного объяснения того, как субъективный опыт живого материального и подвижного мира возникает в сознании из статичного, лишенного этих свойств мира[3].

Взгляд «птицы» — это взгляд условного «внешнего» для вселенной наблюдателя, который «видит» лишь набор возможных математических реляций. С этой внешней позиции (в данном случае позиции физика-теоретика) вселенная — это сложная формула.

Сознание «лягушки» не обладает автономией, во-первых, поскольку оно определяется просто статичной формулой, а во-вторых, потому что все возможные вариации всех субъектов и всех возможных действий, мыслей или интенций, которые такие субъекты могут или могли бы проявить, уже существуют в параллельных вселенных. То есть случайность событий или автономия принятых решений является просто иллюзией, которые связаны с невозможностью для каждого данного субъекта знать, в какой части безграничного набора параллельных математических вселенных он существует или какой конфигурацией математических параметров данный субъект определяется. Для примера, по Тегмарку «существует» такая математическая реальность, в которой данный текст не был написан автором, или такая, где его содержание было принципиально иным, и т. д. В этом смысле обнаружение субъекта в конкретной ситуации жизни и претерпевание им этой ситуации являются чисто механической случайностью, предопределенной, например, теоремой Байеса (обнаружение себя в некоторых ситуациях более вероятно, чем в других), при этом всякий активный выбор и моральная позиция не имеют значения, так как всегда существуют иные математические конфигурации, в которых тем же самым субъектом был совершен иной выбор или иные действия. Мы можем сказать, что в данном случае происходит отчуждение субъекта и разложение его на элементы, в которых утрачивается его автономия.

После краткого описания причудливой теории Тегмарка и ее импликаций перейдем в область более традиционной философии, представленной в работах Алена Бадью, которая в значительной степени является философским аналогом теории Тегмарка, с той разницей, что, перенесенная в мир человеческого, она сохраняет за субъектом некоторую ценность.

Один из ключевых тезисов в философии Бадью, подробно раскрытый в его «Математике трансцендентального», совершенно изоморфен идеям Тегмарка и состоит в том, что математика — это онтология в буквальном смысле. Математика — наука, где всякий объект устранен до такой степени, что остается только чистое Бытие (которое у Тегмарка соответствует математическим отношениям), поэтому, как и Тегмарк, Бадью говорит об изоморфизме между математикой и онтологией, указывая, что таким образом язык математики становится наиболее подходящей знаковой системой для выражения онтологических идей таким же образом, каким она является языком описания в физике, а Бытие структурировано через математическое, которое с необходимостью есть Множественное (multiplicity). Поэтому язык, который Бадью предлагает для описания Бытия, — это язык теории множеств [Badiou 2015: 60].

[3] Относительно вопроса сознания и субъективности см. более подробное объяснение в [Tegmark 2014: 238–270].

Как и у Тегмарка, согласно которому Бытие образуется из ничего, у Бадью структура Множественного, которая управляет Реальным, образуется из субстрата, которому не подлежит ничего, кроме чистых множеств. Хотя это может показаться несколько необычным, можно продемонстрировать, каким образом это происходит без использования сложных математических идей. Если перефразировать утверждение о том, что в основании Бытия ничего не лежит, в утверждение о том, что в основании Бытия лежит ничего или Ничто[4], мы можем отождествить Ничто с пустым множеством (∅), которое является, таким образом, источником всех объектов, способных себя презентовать. При наличии логики множеств и пустого множества можно сконструировать все остальные математические объекты, начиная, например, с натуральных чисел. Так мы можем отождествить пустое множество с нулем; множество, содержащее пустое множество, с единицей; множество, содержащее одновременно пустое множество, и множество, содержащее пустое множество, с двойкой и т. д. Таким образом, каждое последующее число представляет собой объединение всех подмножеств, которые содержат предыдущее число (т. е. множество), и самого этого множества. Если мы обозначим произвольное число как n, то всякое последующее число можно выразить простой формулой $n + 1 = n \cup \{n\}$, при условии, что у нас в качестве основания уже есть пустое множество.

$\emptyset = 0$
$\{\emptyset\} = \{0\} = 1$
$\{\emptyset, \{\emptyset\}\} = \{0, 1\} = 2$
$\{\emptyset, \{\emptyset\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}\}\} = \{0, 1, 2\} = 3$
…

В данном случае важно уточнить, что такой способ определения натуральных чисел не является единственным или в какой-то мере более истинным, чем другие существующие формальные схемы, как в рамках теории множеств, так и в рамках других математических теорий, например, теории категорий.

Важно лишь то, что определенные таким образом числа ведут себя именно так, как, по нашим ожиданиям, должны вести себя натуральные числа, которые мы используем в повседневной жизни.

Сконструировав каким-либо способом натуральные числа, можно получить и другие математические объекты, а также определить стандартные математические действия, например, сложение и умножение, на чем мы не будем останавливаться.

Поскольку Множественное, которое в данном случае представляет собой «раздробленное» Реальное Гэллоуэя как бесконечная регрессия ко все более и более мелким множественным, не может быть презентовано само по себе, мы должны предварительно помыслить его как Единое. Для этого оно должно быть явлено в ситуации. Ситуация (которая также является Множественным) может пониматься как некоторое «общее» знание, которое имеет субъект о мире или о его части. Быть — значит принадлежать к ситуации, что Бадью обозначает как $\varepsilon \in S$.

[4] Это несколько ближе к работам Рассела Стэндиша [Standish 2006], который развивает идеи, схожие с идеями Тегмарка.

На данном этапе онтология Бадью представляет собой образ, достаточно похожий на тот, который предлагает Тегмарк. То, что радикально меняет ситуацию, превращая математическое измерение в человеческое, — это введение с о б ы т и я. Событие — это радикальная трансформация, которая может изменить ситуацию через установление новой и с т и н ы. Истина — ценностный ориентир субъекта, то, согласно чему он организует свой мир. Событие может быть реализовано четырьмя трансформативными способами — в любви, науке, искусстве, политике [Badiou 2015: 340].

Важно, что событие является тогда, когда оно получает свое имя от субъекта, т. е. событие вводится в мир, когда оно поименовано, аналогично тому, как Бог провел перед Адамом в райском саду все твари земные, чтобы дать им символическое обозначение. В качестве примеров таких событий Бадью называет Французскую революцию и теорию относительности, которые трансформируют социальное и природное измерения мира.

С противоположной стороны субъект сам порождается событием, потому что субъектом в смысле Бадью может выступать только тот, кто проявляет верность истине [Ibid.: 232]. Истина при этом не является чем-то «новым», что рождается в ситуации, наоборот, она изначально вплетена в структуру мира, но ее явление возможно только в ситуации, когда субъект обращается к ней и направляет свои действия к утверждению истины. Проявление истины возможно, когда язык, описывающий ситуацию, радикально трансформируется, что сделает истину, наконец, возможной для признания.

Таким образом, субъект и событие образуют замкнутую взаимосвязь, цикл, в котором истина создает субъект, но, с другой стороны, только субъект может поименовать событие таким образом, чтобы сделать возможным разрыв, который делает истину видимой.

Отметим, что не всякий процесс именования открывает новую истину, т. е. не всякая трансформация достаточно радикальна для этого. Может быть так, что процесс именования позволяет встроить текущую систему знаний субъекта в данную ситуацию, не трансформируя ее радикально в нечто не бывшее прежде.

Вернемся из пространства математического в область дигитального. Соединение трансцендентального и события назовем в ы ч и с л е н и е м. По словам Гэллоуэя, «компьютер — машина, которая может инициировать события, когда они сформулированы в терминах трансцендентального» [Galloway 2014: 111]. Это легче понять по аналогии с универсальной машиной Тьюринга. Последняя способна осуществлять любое вычисление, включая симуляции какой-либо другой произвольной машины Тьюринга, если оно описано на языке логики. Событие, управляемое трансцендентальным, фактически представляет собой подобную машину.

Как можно видеть, обе теории — и Бадью, и Тегмарка — схожи в том, что они ставят своей целью свести Бытие и субъект к в ы ч и с л и м о й с т р у к т у р е. Прежде чем мы можем мыслить мир, мы должны принять решение о том, каким образом мы отделим часть мира от Реального / Единого, это решение структурирует и формирует наш опыт. Мир развивается по законам математической логики как в природном, так и в социальном измерении, делая субъективность заложником системы математических отношений.

Гэллоуэй критически рассматривает подобные намерения. Он выступает против любой попытки разделения Реального. По его мнению, философ или представитель естественных наук дигитализирует реальное, стремясь в этом случае получить такую позицию, которая дает ему власть над структурой символического, т. е. позволяет определять направление мыслей Другого, принимая решение о том, что должно быть объектом нашего мышления и как мы должны мыслить об этом объекте. К примеру, когда физик Тегмарк описывает точку зрения «птицы», несомненно, это его собственный взгляд, который занимает столь привилегированное положение, что может обозревать всю вселенную извне. С другой стороны, взгляд «лягушки» — это взгляд «обычного» человека, не наделенного силой научного взгляда. Разделяя их, Тегмарк создает ситуацию, в которой перед нами встает выбор: либо принять позицию Тегмарка на устройство мира и перейти на более высокую ступень иерархии, позволяющую обозревать все мироздание, либо отрицать тезисы Тегмарка и создать собственную иерархическую систему отношений. Оба варианта не оставляют места для взаимодействия вне иерархических отношений власти и знаний.

Мы видим, что и Бадью схожим образом вплетает субъект в мир механических отношений, где проведено изначальное разделение между истинным и неистинным, субъектом и объектом, «лягушкой» и «птицей», философом и не-философом. Все Единое сделалось Множественным.

Совершенно иной подход состоит в том, чтобы видеть вещи как равные, а интеллектуальный ландшафт — как плоский. Франсуа Ларуэль называет этот подход нестандартной философией (вероятно, по аналогии с нестандартным анализом в математике) или не-философией ([Galloway 2014: xviii–xix]; см. подробнее: [Ó Maoilearca 2015]). В этом отношении он выступает антагонистом Бадью (и фактически Тегмарка).

В мире Бадью существует универсальная истина, которая является в структуре мира, раскрывающейся под взглядом философа. Трансцендентальное разделяет мир на элементы и ставит субъект в ситуацию, когда он постоянно сталкивается с необходимостью совершать выбор, который является актом разделения Реального/Единого, что заставляет его все время находиться в иерархических отношениях с Другим — в отношениях, требующих непрестанной борьбы и завоевания позиции. Поэтому с точки зрения Гэллоуэя задача «антидигитальной» философии состоит не в том, чтобы легитимировать некоторую выделенную позицию субъекта, а в том, чтобы разрушить структуру, которая требует от субъекта принадлежности к позиции.

Как мы видим, современная мысль, независимо от того, исходит ли она из профессиональной философии или из естественнонаучного дискурса, имеет тенденцию к конвергенции вокруг некоторой омега-точки (позволим себе термин из еще одной дигитальной теории).

Для нас наиболее важными представляются следующие соображения. Философский подход к «дигитальной физике» представляет собой многообещающую перспективу для введения субъективности в мир физических законов. Действительно, как было сказано выше, подход Бадью в некоторых аспектах гомологичен «дигитальной физике» Тегмарка, но вместе с тем позволяет введение ценностного ориентира через субъект, который превращает атомарную

реальность теории множеств в наделенный смыслом нарратив. Подобное воссоединение философии и естественнонаучной мысли на основе принципов, которые в начале прошлого века приветствовал ряд крупных физиков (см., например: [Шредингер 2001]), кажется, может иметь важные последствия для переосмысления тех нарративов, которые структурируют символическое пространство нашего мира.

Вместе с тем мы можем, как предлагает Гэллоуэй, продвинуться еще далее, отказавшись от деления по разлому аналоговое/дигитальное, работая в рамках такой парадигмы философии и физики, в которой субъект не занимает выделенной позиции и укоренен в материальности имманентного Бытия.

Литература

Жмудь 1994 —*Жмудь Л. Я*. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб.: ВГК; Алетейя, 1994.

Катленд 1983 — *Катленд Н*. Вычислимость. Введение в теорию рекурсивных функций / Пер. с англ. А. А. Мучника. М.: Мир, 1983.

Тегмарк 2017 — *Тегмарк М*. Наша математическая Вселенная. В поисках фундаментальной природы реальности / Пер. с англ. А. Сергеева. М.: АСТ; Corpus, 2017.

Хопкрофт и др. 2002 — *Хопкрофт Дж., Мотвани Р., Ульман Дж*. Введение в теорию автоматов, языков и вычислений. М.: Вильямс, 2002.

Шредингер 2001 — *Шредингер Э*. Природа и греки. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.

Фома Аквинский 2004 — *Фома Аквинский*. Сумма против язычников. Кн. 2 / Пер. Т. Ю. Бородай. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004.

Badiou 2015 — *Badiou A*. Being and event. New York: Continuum, 2015.

Galloway 2014 — *Galloway A*. Laruelle*:* Against the digital. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 2014.

Holt 2012 — *Holt J*. Why does the world exist? An existential detective story. New York; London: Liveright Publishing Corporation, 2012.

Ó Maoilearca 2015 — *Ó Maoilearca J.* All thoughts are equal: Laruelle and nonhuman philosophy. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 2015.

Standish 2006 — *Standish R*. Theory of nothing. [Author]: BookSurge Australia, 2006.

Tegmark 2008 —*Tegmark M*. The Mathematical Universe // Foundations of Physics. Vol. 38. No. 2. 2008. P. 101–150.

Tegmark 2015 — *Tegmark M*. Consciousness as a state of matter // Chaos, Solitons and Fractals: The Interdisciplinary Journal of Nonlinear Science, and Nonequilibrium and Complex Phenomena. Vol. 76. 2014. P. 238–270.

Weinberg 2002 —*Weinberg S*. Is the Universe a computer? // The New York Review of Books. Vol. 49. No. 16. 2002. P. 79–89.

Zuse 1970 — *Zuse K*. Calculating space. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology (Project MAC), 1970.

The Subject in Digital Philosophy: A critical analysis based on Galloway's "non-philosophical" approach

Zhuk, Maksim O.
Master of Sociology
Assistant, European Humanities University
Lithuania, 10101, Vilnius, Valakupių str., 5
Tel.: +370 5 274 0622
E-mail: maksim.zhuk@ehu.lt

Abstract. In this paper we discuss "digitality" not as an epiphenomenon of the modern technological world but as a special way of philosophical thinking. We address digitality as a special intellectual process characterized by two main features: 1) transcendence of material immanent reality and 2) division of "One into Two" or division of One into discreet indivisibilia. We consider two examples of such thinking: the cosmological theory of the physicist Max Tegmark and the ontological theory of the prominent French philosopher Alain Badiou. Our fundamental premise is that "digitalization" creates a special position for the Subject and alienates it. Moreover, it makes it necessary for the Subject to become a point in the hierarchy of power. At the end, we pose the question whether a different, "analog" mode of understanding the world is possible.

Keywords: subject, digital physics, non-philosophy, digital philosophy, ontology, digitality

References

Badiou, A. (2015). *Being and event*. New York: Continuum.

Foma Akvinskii (2004). *Summa protiv iazychnikov* [Transl. from Thomas Aquinas' *Summa against the Gentiles*] (Book 2). Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy. (In Russian).

Galloway, A. (2014). *Laruelle: Against the digital*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press.

Holt, J. (2012). *Why does the world exist? An existential detective story*. New York: Liveright Publishing Corporation.

Katlend, N. (1983). *Vychislimost'. Vvedenie v teoriiu rekursivnykh funktsii* [Transl. from Cutland, N. (1980). *Computability: An introduction to recursive function theory*. Cambridge: Cambridge Univ. Press]. Moscow: Mir. (In Russian).

Khopkroft, Dzh., Motvani, R., Ul'man, Dzh. (2002). *Vvedenie v teoriiu avtomatov, iazykov i vychislenii* [Transl. from Hopcroft, J., Motwani, R., Ullman, J. D. (2001). *Introduction to automata theory, languages, and computations*. Boston, MA, etc.: Addison-Wesley]. Moscow: Vil'iams. (In Russian).

Ó Maoilearca, J. (2015). *All thoughts are equal: Laruelle and nonhuman philosophy.* Minneapolis: Univ. of Minnesota Press.

Shredinger, E. (2001). *Priroda i greki* [Transl. from Schrödinger, E. (1954). *Nature and the Greeks*. Cambridge: Cambridge Univ. Press]. Izhevsk: NITs "Reguliarnaia i khaoticheskaia dinamika". (In Russian).

Standish, R. (2006). *Theory of nothing*. [Author]: BookSurge Australia.

Tegmark, M. (2008). The Mathematical Universe. *Foundations of Physics, 38*(2), 101–150.

Tegmark, M. (2015). Consciousness as a state of matter. *Chaos, Solitons and Fractals: The Interdisciplinary Journal of Nonlinear Science, and Nonequilibrium and Complex Phenomena, 76*, 238–270.

Tegmark, M. (2017). *Nasha matematicheskaia Vselennaia. V poiskakh fundamental'noi prirody real'nosti* [Transl. from Tegmark, M. (2014). *Our Mathematical Universe: My quest for the ultimate nature of reality*. New York: A. Knopf]. Moscow: AST; Corpus. (In Russian).

Weinberg, S. (2002). Is the Universe a computer? *The New York Review of Books, 49*(16), 79–90.

Zhmud', L. Ia. (1994). *Nauka, filosofiia i religiia v rannem pifagoreizme* [Science, philosophy and religion in early Pythagoreanism]. St.-Petersburg: VGK; Aleteiia. (In Russian).

Zuse, K. (1970). *Calculating space*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology (Project MAC).

Zhuk, M. O. (2017). The Subject in Digital Philosophy: A critical analysis based on Galloway's "non-philosophical" approach. *Shagi / Steps, 3*(2), 205–217